

Шмуэль-Йосеф Агнон: Помета. Перевод с иврита – Ontario14. Перевод стихов р. Шломо ибн Гвириля Эрнста Левина.

Ontario 14, Шмуэль Агнон, Эрнст Левин, Заметки по еврейской истории, №5 • 20.05.2012

⌘

В год, когда поползли слухи о гибели евреев моего города, я жил в одном из кварталов Ерушалаима, в доме, построенном мною после погрома, случившегося в году ТАРПАТ[2], а гематрия "ТАРПАТ" равна "Нецах Израэль"[3]. В ту ночь, когда арабы лишили меня крова, дал я себе обет – если Всевышний пожелает и я останусь в живых, построю дом в Ерушалаиме, в том же квартале, который враги пытались разрушить. Милостью Божьей спасся я от рук их и остался с женой и детьми жить в Ерушалаиме.

И исполнил я обет свой и построил дом, и сделал сад и посадил в нем дерево[4].

И сидели мы с женой и детьми, как хотел того Оплот наш и Создатель, – иногда в тишине и покое, а иногда – в страхе и ужасе перед Мечом Пустыни, угрожавшим всем сидящим на Святой Земле.

Несмотря на многочисленные трудности, я все принимал за благо и не жаловался. Более того, к каждому несчастью я относился так: лучше жить в Эрец-Израэль, чем в Галуте, ибо Эрец-Израэль дает нам силы и смелость, а в Галуте мы способны лишь быть идущими на закланье овцами. Многие тысячи сынов Израиля, несчастья которых несопоставимы с моими, – убиты, задушены, утоплены, сожжены и похоронены заживо, – мои братья, друзья и родня.

Прошли они все виды пыток, замучены насмерть злодеями, богохульниками и гонителями нашими, каких еще не видел свет.

⌘

Не скорбел я о городе своём и не рыдал по общине Господа, уничтоженной врагом, ибо день, когда прошел слух о злодеянии, был днем захода Шавуот[5].

И отгонял я скорбь перед радостью о времени дарования Торы. Видимо, мне это удалось или, как минимум показалось, что удалось. Любит Всевышний народ Свой и дает нам силу: как дал силу на Синае – принять Тору и мицвот, так дал ее и мне, когда надо было радоваться Шавуоту, празднику дарования Торы нам, а не убивающим нас богохульникам.

⌘

Наше жилище было готово к празднику.

Весь дом приветствовал Шавуот. Солнце отражалось на внешних стенах, а на внутренних мы развесили украшения из цветов, веток лаврового дерева,

кипариса и сосны, чтобы красотой и ароматами встретить праздник Торы[6].

С самого моего прибытия в Эрец-Исраэль наш дом не был так правильно и красиво подготовлен к Шавуоту, как в этот день. Исчезли все дефекты, и ни одной трещинки не видно было ни на потолке, ни на стенах. Из тех углов, где раньше они росли и насмехались над строителями дома, шел прекрасный запах – от ветвей и особенно цветов, собранных в нашем саду. Эти скромники, не высовывающиеся высоко над землей, кроме запаха радовали нас и своим разнообразием, с которым Всевышний, благословен Он, украшал Землю, дарованную нам милостью Его.

7

Облачившись в новую одежду и обувшись в новые и лёгкие ботинки, отправился я в Дом Молитвы, ибо, как учила меня мама, да упокоится душа ее с миром: “если человек приобретает новую одежду или обувь, первый раз он должен одеть их в праздник и пойти в Дом Собрания”. Весьма благодарен я телу своему, что подождало меня и не соблазняло одеть новые одежды и обувь до праздника, хотя и старые ботинки были тяжелы, и жестокие хамсины посещали Страну. И хотя *“не достиг я деяний отцов”*[7], – в этом, частном случае, “деяния отцов” я могу повторить, ибо тело мое позволяет соблюсти большинство обычаев с ними связанных.

7

Я вышел из дома.

Обе лавки в нашем квартале были уже закрыты, и даже автобус, собирающий после Субботы припозднившихся пассажиров, уже ушел. Никого не было видно на улицах, кроме мальчишек – посыльных цветочных магазинов. Но и они быстро исчезли. Не осталось после них ничего, кроме аромата цветов, напомнивший мне за ароматы садов в нашем квартале.

Окраина тихо отдыхала. Никто не помешал мне в дороге моей и не никто не спросил о событиях в мире. А если бы даже и спросил, не стал бы я рассказывать, что случилось с моим городом. Такое уж время настало – каждый бережет стоны для себя. Что из того, если расскажу кому-то о своем городе, ведь его судьба не миновала и все остальные города?

7

Я зашел в синагогу и сел на своё место.

Перед глазами появились картины событий в моем городе, во всяком случае – как я их себе рисовал. Потом, когда до меня дошли рассказы о реальных событиях там, я понял, что зверства врага превзошли все мои представления. Сила фантазии намного больше силы действительности, кроме тех случаев, когда действительность – это прегрешения гоим, выходящие за рамки любого воображения.

Я открыл махзор[8] на “Лель Шавуот”[9]. Люди за пределами Земли Израиля имеют обычай читать много пиютим[10]. Это принято в старых общинах, чтящих заветы отцов. И, хотя я сам себя считаю сыном Страны Израиля, люблю я пиютим, готовящие душу к настоящему и к молитве. Святые сочинители пиютим смогли сблизить сердца Израиля с Отцом Небесным. Знают они – что именно мы должны просить Его и что Он требует от нас, и написали пиютим и вложили их перед Ним в уста наши.

Дом Собрания стал постепенно заполняться людьми.

Даже те пришли, кто обычно в синагогу не ходят. Они пришли ради детей, которые тянули их сюда. Пока ребенок остается ребенком, тянется он к отцу и тянет отца за собой. Это значит, что тянется он к Отцу Небесному и тянет за собой отца родного.

Таковыми детьми были заполнены все синагоги моего города. Здоровыми и красивыми детьми.

Сейчас все они мертвы.

Рука врага уничтожила всех, никто не выжил и не спасся, а если кто и остался в живых, то он во власти гоим, воспитывается ими и дай-то Бог, чтобы не присоединился к рядам ненавистников наших.

Те, о ком написано: *"и поднял вас на крыльях орлиных, и принес вас ко Мне"*[11] отданы под чуждую власть, разгромлены и растоптаны ногами чудовищ в человеческом облике.

†

Хотя в Субботу и праздники "маарив"[12] начинают раньше обычного, в Шавуот начинают вечернюю молитву с выходом звёзд, ибо если начнут раньше и примут святость праздника – отсчёт сорока девяти дней[13] будет неполным, а в Торе сказано: *"семь суббот, полными будут они"*[14].

Окончив "минху"[15], люди сидели и ждали начала "маарива", переговариваясь между собой, а дети стояли удивленные и зачарованные. Конечно, я понимаю, что мои слова вызовут улыбку, но всё-таки я их произношу. С наступлением праздника дарования Торы, с этими детьми происходит то же самое, что в такой же вечер произошло с их душами, стоявшими у Горы Синайской.

Пока одни разговаривали, а другие стояли и удивлялись, наступило время вечерней молитвы.

Габай[16] постучал по столу и хазан[17] встал у ковчега. После короткой молитвы, в ходе которой не было ни пиютим, ни *"И возгласил Моше назначенные поры Господни..."*[18], все друг друга поздравили и благополучно разошлись по домам.

‡

Вернувшись домой, я благословил жену и детей.

Молча стоял я, торжествующий, на своей земле, со своей женой и детьми, когда в это время многие сотни тысяч евреев убиты, зарезаны, сожжены и погребены заживо, а те, кто еще живы, блуждают в полях и лесах или сидят в землянках.

Я склонил голову перед этой Землёй, Землёй Израиля, на которой построен мой дом, стоящий в саду, среди деревьев и цветов, и произнес стих *"и жива будет душа моя благодаря тебе"*[19]. После этого сделал Кидуш, сказал *"шеихяну"*[20], отпил вино из бокала и дал отпить жене и детям. Не разбавил я вино слезами, что непросто для человека, чей город ушел из этого мира.

Я совершил омовение рук, благословил хлеб и дал всем по куску от чудесных халот, испеченных в форме, напоминающей Скрижали Завета, принесенные Моше с Небес.

По обычаю Израиля: если хлеб – от Земли, форма его – с Небес.

Сидели мы на праздничной трапезе, встречая Шавуот, и на столе были плоды нашей Земли, которую мы обрабатывали своими руками. Придя сюда, мы нашли Её неухоженной, нетронутой с того дня, как сыны покинули Её, а сейчас эта Земля плодоносит, на пользу хозяевам и всем нам.

Даже все традиционные на Шавуот молочные продукты были из молока коров, пасущихся неподалёку от нашего дома. Благословен человек, на чьем столе лежат плоды из ближних мест, а не из дальних, ибо все близкое – близко к изобилию. И хотя Шломо, благословляя *"жену радетельную"*[21], говорит *"приносит хлеб свой издалека"*, в дни Шломо все было иначе. Властвовал Шломо над всем и каждым, богатырем был, а жена подобна мужу была. Были *"жены радетельные"* в Израиле, оставляющие для слабых приносить *"близкий хлеб"*, а сами старались и приносили хлеб издалека. В наше время, когда Земля стала карликом, а жители думают лишь о зарботке, пусть лучше будет *"ближний хлеб"*, чем *"дальний"*!

Хороша была трапеза, что послала нам Страна, и хороша Страна, дающая жизнь жителям её.

С наступлением праздника Ерушалаим вздохнул свободно после злых хамсинов, властвовавших над ним с самого Песаха. Стало ощущаться приятное дуновение с моря и пустыни, а в нашем квартале к этим двум ветрам добавился третий – из небольших садов, посаженных жителями вокруг своих домов. Наш дом тоже стоит в саду, где растут кипарисы и сосны, а под ними лилии и георгины, *"ноготки"* и *"львиный зев"*, бедренцы, хризантемы и колокольчики. Обычно кипарисы и сосны не позволяют расти возле себя никаким растениям, но в нашем саду эти деревья отнеслись благосклонно к цветам и травам, помня труды наши во время, когда они были еще ростками.

Последним жертвовали, но сажали деревья и поливали их, и берегли нежные побеги от злых пастухов, гнавших свои стада через наши сады. Теперь стали ростки большими деревьями, дающими нам тень от солнца, ветви для кущей в Суккот и для украшения дома на Шавуот, чтобы прикрыть стены в память о Синайском Откровении. Так делали и в моём городе, когда я был ребенком, но там ветви большей частью были из садов гоим, а я взял их из своего сада и цветы собрал меж своих деревьев.

И добавили они аромат и приправу к нашей трапезе.

,

Сидели мы дома с женой и малыми детьми.

Все в нем говорило о празднике – и мы, и наряды наши. Одеты мы были во все новое, специально пошитое к празднику. Ибо праздник – Богу и нам, а мы чтим праздник наш как только возможно, дорогими яствами и новыми платьями. Отец Небесный чтит праздник, давая нам силу радоваться.

Смотрел я на своих домашних, и охватило меня желание рассказать им про обычаи моего города. Правда, мой город умер, а кто в нем не умер – похожи на мертвецов. Но прежде, чем пришел враг и всех убил, город был полон жизни, счастлив и благословен. Можно ли рассказать про все обычаи его? Расскажу о некоторых, а так как праздник Шавуот сейчас, расскажу об обычаях Шавуота.

»

С Субботы, когда благословляют месяц Сиван, город освежается и начинает отходить от скорби "дней отсчёта"[22].

Тем более – в Новомесячье, тем более – во время произнесения "hАлеля"[23]. И когда пропел хазан *"небеса – небеса Бога, а землю отдал Он сынам человеческим"*, увидели все, что открывает Земля лицо и реку в ней текущую. Не знаю, кто первым поведал – мы или река – о том, что можно купаться[24]. И отвечают небеса на благословения наши, дают воду и растопляют солнцем холод её. Не только вод речных, но всего мира.

И уже человек открывает окна, не опасаясь холода. Слышно пение птиц, вернувшихся к своим гнёздам.

В домах пахнет молочными блюдами, приготавливаемыми к первому дню праздника[25], а также тканями – женихи и невесты готовят наряды для хупы, разрешенной после праздника[26].

Уже ножницы защелкали по всему городу, и обновились лица человеческие[27]. Все готово к встрече праздника дарования нам Торы и мицвот, праздника, отличающегося от всех других радостью своей.

В Песах мы не можем есть все, что хотим. В Сукот мы не можем есть везде, где хотим. А тут – мир радуется и веселится, ресницы небесные – лучи солнечные, блеск и великолепие наполняют Землю.

»

А сейчас, дети мои, слушайте – расскажу я вам кое-что о своем детстве.

Отец ваш сейчас стар, если бы у него была борода как у Авраама, вы бы увидели в ней седину. Но я тоже был маленьким и вел себя как маленький. Когда старики сидели в бейт-мидраше[28] и готовились к завтрашнему празднику дарования Торы, стояли мы с друзьями во дворе и смотрели вверх, чтобы поймать тот миг, когда небеса раскроются[29] и если повезет и правильно рассчитать нужный момент, то самые необыкновенные желания исполняются Святым, благословен Он.

А почему я похож на человека, чьи желания никогда не исполнялись?

Потому, что их было много, и пока я решал, что попросить для начала – меня одолевал сон.

У юноши много просьб – не успевает он попросить и засыпает, а у старца нет желаний – если что и просит, так это немного сна.

Уберу сон с глаз и расскажу еще кое-что.

Сейчас человек много находится вне дома. В те времена люди больше сидели по домам или в бейт-мидраше. Но в первый день праздника все шли в сады и леса за городом, ибо не в городе дана была нам Тора.

Названия деревьев, кустарников, трав и цветов, которые сейчас я знаю – известны мне из тех прогулок в первый день Шавуота. Имена зверей и птиц, которые сейчас я знаю – из тех же прогулок.

Как, спросите?

Мой папа, память праведника да будет благословенна, показывал мне дерево, или куст, или цветок и говорил: "Так это называется на Святом Языке". Показывал мне зверя или птицу и говорил: "Так это называется на Святом Языке, ибо если удостоились они того, что Тора упоминает их, то обязан человек знать их имена".

Почему сейчас, рассказывая, я не называю их имен?

Виноваты в этом те, кто извратил слова Торы и породил хаос в языке[30].

»

Видно было, что моей семье рассказ нравился.

Я продолжал.

Большая синагога была истинным украшением нашего города, даже вельможи народов мира знали о ее великолепии.

Каждый Шавуот от графа Потоцкого присылали полную телегу с саженцами деревьев. В городе жила одна семья, отвечавшая за посадку и уход за ними.

Рассказал я и о нашем клойзе[31].

Все знают, что сейчас я завсегда у нашего старого бейт-мидраша[32], но, прежде чем раскинуть шатры Торы здесь, мальчишкой я долго просиживал

в клойзе нашего города. Очень много чего есть мне рассказать о тех днях. Расскажу лишь о том, что связано с Шавуотом.

За день до праздника пошел я с друзьями в лес и принес множество зеленых веток. У моей мамы, да упокоится душа её с миром, я взял веревки и подвесил их на потолке в форме Щита Давида. Потом я положил собранные ветки на эти верёвки.

Не хочу перед вами хвастаться, но всё же... Даже старики из клойза качали головами и говорили: "Да... красота..."[33].

А старики из клойза никогда зря ничего не говорят.

Жене и детям я не стал рассказывать о грустных стихах, сочиненных после праздника, когда увидел я листья, опадающие со Щита Давида.

Проснулось сердце мое и душа вспомнила ещё: например, бумажные розы, которые приклеивали к оконным стеклам. Так делала городская беднота, тщательно соблюдая традиции отцов. Владельцы домов соблюдали их без особой тщательности и роз на стёкла не клеили. Враг убил и тех и этих.

Много чего еще я рассказал своим домочадцам о Шавуоте и моем городе, всегда добавляя "тогда".

Все-таки мне удалось завершить свое повествование без надрыва в голосе.

Милостив Всевышний с Израилем – вспоминая былое величие, души наши не разрываются от горя. Так было и с моей душой, когда рассказывал о том, что было "тогда".

7

Совершив благословение после трапезы, я поднялся и сказал жене и детям: ложитесь спать, а я иду в синагогу на "Тикун Лель Шавуот"[34]. Я родился в Бучаче[35], вырос в старом бейт-мидраше, где свято чтут традиции Израиля. Признаюсь, не во всём я следую примеру бучачских стариков. Они читают "Тикун лель Шавуот", а я – книгу "Азхарот"[36] рабби Шломо ибн Гвириля[37], да упокоится душа великого праведника.

Много поэтов было у Израиля, прославлявших Господа, но после завершения ТАНАХа не было у нас поэта, подобного рабби Шломо ибн Гвирилю. Стихи его наполнены горечью Галута – и я, недостойный, могу просить Всевышнего только словами святых поэтов, словами рабейну Шломо, пребывающего в Эдене.

Я уже где-то рассказывал, как отец, память праведника да будет благословенна, привозил каждый год с ярмарки мне, ребенку, новый молитвенник[38]. Однажды я нашел в нем "Просьбу к рабби Шломо ибн Гвирилю". Прочитал и удивился.

Может быть, такой великий цадик, имя которого написано даже в молитвеннике, не всегда может говорить с Господом?

Ведь пишет он: *"Дай мне рассвет, Творец, хранитель мой..."*, а затем, найдя Господа, стоял он, Его *"величием потрясён..."* [39] (см. перевод).

Цадик снился мне по ночам, стоявший посреди бури, с развевающимися на ветру бородой и цицит.

Праведник – лучший проситель перед Ним, ибо сильнее всех остальных боится он Господа.

Много дней стоял образ рабби Шломо у меня перед глазами: иногда - ребенка, просящего что-то у отца, иногда - старика, уставшего искать Бога, а потом, найдя, застывшего, потрясенного Его величием.

Шли дни, принося лишь новые огорчения...

יב

Как-то раз, в один из Шабатов после Песаха, пришел я в Большой бейт-мидраш на утреннюю молитву.

Увидел я там старого хазана, стоящего на биме и распевающего пияутим для тех жителей Бучача, которые не прерывались для песнопений между геулой и молитвой[40].

Для них поднимался хазан на биму после молитвы "Мусаф" и "возвращал геулот".

Прислушавшись, я различил произносимые им слова: "*Швия ания беэрец нахрия...*" ("Бедная пленница в земле чужой...")[41] (см. перевод)

Голос хазана был такой, что мне стало жалко ту пленницу, на которую обрушилось великое бедствие. Удивлялся я, что Святой, благословен Он, не спешит вывести её из плена и не прислушивается к мольбам сгорбленного хазана. Удивлялся я и жителям моего города, не делающих ничего, чтобы выкупить её из неволи.

Однажды я листал большой дедовский молитвенник и нашел эту песню. Каждая строчка начиналась с большой буквы. Я прочитал составленное из них слово "**Шломо**". Сердце мое радостно забилося, ведь это рабби Шломо из моего молитвенника! И стало мне его жалко. Недостаточно ему собственных проблем, о которых просит Господа и "*стоит потрясенный*" перед Ним, – так еще он переживает за "*бедную пленницу*" в чужой земле!

Через несколько дней я вновь открыл этот молитвенник и проверил первые буквы начальных строчек каждого пияута. И если где читалось слово "**Шломо**" – я читал и перечитывал песню раз за разом.

יב

Не помню когда вошло у меня в привычку читать в канун Шавуот "Азхарот" рабби Шломо ибн Гвириоля, но с тех пор не было такого года, чтобы я ей изменил.

Даже не стоит упоминать о том времени, когда я жил в стране Ашкеназ, где ценят пияутим, – но и здесь, в Эрец-Исраэль, где нет обычая их произносить, я не отказался от этой своей привычки. И даже в часы опасности, когда напали арабы на Ерушалаим и снаряды летали у нас над головами, не мог я удержаться, чтобы не пойти в бейт-хамидраш в канун

этого святого праздника. И почти всю ночь сидел я там, как принято было везде и во всех поколениях, – в память о делах праотцев наших на третьем месяце по выходу из Мицраима, не спавших всю ту Ночь, в смятении ожидая получение Торы из уст Всесильного.

”

Мой дом близок к Дому молитвы – всего в нескольких минутах ходьбы.

Надо пройти по узкой улочке, на которой я живу, потом выйти на более широкую улицу, свернув с которой сразу попадаешь к деревянному строению, которое используется под синагогу.

В ту ночь дорога удлинилась сама.

Или, может и не дорога удлинилась, а я сам её удлинил.

Мысли утомили душу, душа – ноги. Я больше стоял, чем шёл.

”

Смакуя тишину, замерли земля и все что на ней, дома, сады и рощи, а над ними – небеса, луна и звёзды. Знают Земля и Небеса, что их бы не было, не получи Израиль Тору. Делает своё Земля, принося хлеб, делают своё Небеса, освещая Землю и её жителей. Наверное, даже мой город освещают небеса, и земля там приносит урожай. В Стране Израиля судит Сам Святой, благословен Он, а за пределами Страны, как говорят, передал Он управление ангелам-сарим, прежде всего заботящихся о сохранении собственной неосведомленности в злых деяниях гоим против Израиля. Поэтому и светят там небеса, и дает земля урожай – двойной, быть может, от урожая в Земле Израиля.

”

Я стоял среди маленьких, окруженных садами домиков.

Со дня Изгнания нашего, земля эта рождала лишь колючки и чертополох, а теперь, когда мы вернулись, стоят на ней дома, растут деревья, кусты и цветы. Я так люблю эти домишки и прохладу садов вокруг, что расскажу вам и их историю.

Один ветеринар, молодой еврей из Кушты[42], получил назначение присматривать за стадами султана в Земле Израиля. Однажды занесло его в какую-то деревню в глубине пустыни. Возвращаясь оттуда, собрался он сделать привал.

Поднял глаза и увидел: вот Мертвое море, а вот Место Храма нашего и свежий ветер дует и воздух здесь самый лучший во всей Стране. Слез ветеринар с осла, стал бродить среди колючек, чертополоха и больших валунов. И стал размышлять – кто даст ему жить здесь с женой и детьми. А жить здесь было невозможно. Далеко от ближайшего жилья, место это было совершенно нетронутым, без признаков жизни, если не считать птиц в небесах и каких-то насекомых в земле.

Стемнело, и врач забрался на осла и вернулся в город.

Через несколько дней он приехал сюда вновь.

Еще через несколько дней он вернулся сюда еще раз.

И так много раз.

Так получилось, что у одного араба захворала корова. Привел он её к врачу и корова выздоровела.

Потом заболела другая. Привел он и её к врачу и корова выздоровела.

Услышал араб, что доктор хочет построить летний домик за городом.

Сказал ему: "Есть у меня земля за городом, если понравится – она твоя"

Оказалось, что место это – то самое...

Доктор купил у араба участок в 30 дунамов, построил летний домик, вырыл колодец и посадил сад миндалевых деревьев.

Съезжались сюда разные иерусалимские чиновники и все сходились во мнении, что зарыл доктор свои золотые в глухой безнадежной пустыне. Но доктор радовался своей участи и каждый свободный день забирался на осла и ехал обрабатывать свой сад. Иногда брал он с собой туда молодую жену и маленьких сыновей, дабы разделить с ними свою радость.

О докторе стали поговаривать и весть о нем разнеслась среди евреев.

Была одна компания, занимающаяся заселением Эрец-Исраэль. Приобрела она участок рядом с участком доктора. Разделила свой участок на более мелкие и послала эмиссаров за границу убедить тамошних сионистов купить себе "частицу Эрец-Израэль". Некоторые согласились.

Пришла Великая Война, принесла смерть и разрушение всего, что строилось многими поколениями. Кто не пострадал сам от войны, пострадал его имущество. У кого сохранилось имущество – пострадал душевно. Труднее всех пришлось евреям, пострадавшим физически, материально и душевно.

Место, о котором мы ведем рассказ, постигла следующая участь. Вступившая в войну Турция разослала свои легионы по всем своим провинциям. Один из легионов прибыл в Ерушалаим и участок доктора был занят под артиллерийскую батарею. Солдатам надо было греться и готовить еду – они и спилили все миндалевые деревья на дрова.

В буре войны, среди пушечных залпов послышался тихий голос Надежды. Если бы мы перевели его на наш язык чаяний, то услышали о конце бед и начале Избавления. Но шла война и не слышно было ни о том, ни о другом.

Между тем, силы воюющих сторон иссякли, и отваги у героев поубавилось. И оставили они это занятие, породив поколения плача на притихших развалинах.

»

После войны началось постепенное, капля за каплей, возрождение Ерушалаима.

Кое-кто начал поговаривать о расширении границ города, во всех кварталах которого жители страдали от тесноты. Уже перед войной, когда Ерушалаим все еще пребывал в мире и спокойствии, а жители его довольствовались малым, город стал задыхаться.

Что уже говорить о послевоенном времени, когда в эту тесноту хлынули волны новых репатриантов.

Люди стали объединяться в товарищества, приобретать землю в городе и вокруг него, строить новые кварталы.

Были они небольшие и весьма удаленные от центра. Дома в этих кварталах были крошечными, долги за них – огромными. Поселенцы бегали из банка в банк, погашая долг одному за счет ссуды в другом.

И просто упал бы человек без тех сил, которые давали ему дом и сад.

✎

Настал черед участка нашего доктора.

Пришли к нему покупатели, и продал он часть своей земли и помог им купить соседские участки тоже. Узнали люди об этом, и начался ажиотаж. Была приобретена двадцать одна тысяча дунамов. В дунаме были тысяча шестьсот турецких квадратных пик[43], а за каждый пик давали груш с половиной. Были такие, кто покупал для строительства, но были и спекулянты.

Я предполагаю, что земельные спекулянты тормозили строительство Ерушалаима. Они завышали цены так, что желающий строить на участке отказывался от своего замысла, а других спекулянтов это привлекало. Создали они негласный союз – и оставалась земля незастроенной. Эта участь постигла и бывший докторский участок.

Наш квартал замер в оцепенении. Строить было негде – жители не могли открыть ни школу, ни почту, ни аптеку или какое-нибудь другое общественно-полезное учреждение, кроме, разве что, двух-трех лавок, каждая из которых лишала другую смысла существования.

А тут еще соседи.

Во время арабских волнений мы не могли оказывать достойного сопротивления – ни в год ТАРПАТ[44], ни во время Войны за Независимость. Нас было слишком мало.

А между волнениями года ТАРПАТ и началом Войны за Независимость, в дни погромов, начавшихся в год ТИРЦУ[45] и продолжавшихся до самого начала Второй Великой Войны, мы были во власти врагов наших до такой степени, что никто и никогда не ходил в одиночку.

Заграничные сионисты, купившие участки до войны – частью погибли на этой войне, частью оказались в местах не совсем удачных. Те же, кто удостоился и приехал, – продали свои участки и построили дома в других местах, увидев, что случилось с нашим кварталом. А из тех, кто купил землю у

них, построили дома человека два, не больше – остальные стали ждать покупателя, который наполнит их ладони серебром.

Я оставляю в покое тех, кто не строил наш квартал, и продолжаю рассказ о тех, кто строил.

Вышли четверо в сердце пустыни и построили себе дома, в часе ходьбы от города. Каждый – в одном из четырех направлений, как распорядился жребий. И была Страна все еще пустынна, не было в ней ни дорог, ни селений.

Каждое утро уходили они в город на работу и возвращались за час-два до заката. Привозили покупки, ужинали чем попало и скорей бежали к своему саду. Убивали змей и скорпионов, выкорчевывали колючки, разравнивали землю, вспахивали ее, вкапывали нежные саженцы, поливали их и мечтали, чтобы они превратились в большие деревья, отдающие тень. Но пока что не было ни деревца, ни кустика – лишь сухая земля, рождающая колючки и репей. Когда приходили хамсины, длившиеся иногда до девяти дней, иссушали они нашу кожу, плоть и кости. И ночью не было спасения.

Уходили хамсины и Страна вновь превращалась в Эденский Сад. Выходил человек в свой сад, вновь поливал нежные саженцы, вкапывал два или три кустарника или цветка.

Один из этих четырех взял на себя управление общественными делами нашего квартала. Следил он за тем, чтобы арабские отары не паслись в садах наших, чтобы мусор вывозился вовремя. Хлопотал перед губернатором и ответственным за городское водоснабжение – чтобы вода всегда была в достатке и чтобы автобус ходил по расписанию, четыре раза в день ежедневно.

А знаете что он делал, если надо было обсудить что-то со всеми жителями?

Телефонов еще не было – он брал шофар, забирался на свою крышу и трубил, пока все не приходили!

Число поселенцев росло. И они тоже днем работали в городе, тоже возвращались домой за час-два до заката, тоже сажали, пахали, пололи, боролись со змеями и скорпионами.

Появлялись новые сады. Строились новые дома. Их хозяева сдавали в них комнату или две молодым парам, предпочитавшим растить детей на природе. А были такие, кто жил в городе и сдавал целый дом внаем – так хозяева возвращали ссуды банкам. Прошло какое-то время, и я переехал в это место, когда пошатнулись стены моего старого дома во время землетрясения года ТАРПАЗ[46] и я был вынужден спасаться бегством. Мы с женой и двумя детьми сняли квартиру в этом квартале, где уже были дороги и куда регулярно приезжал автобус. И даже был здесь уже почтовый ящик и другие мелочи, к которым мы привыкли. Было видно, что это место, постовавшее со дня Изгнания нашего, возрождается заново.

И все еще редки были автомобили здесь, и люди ходили по улицам без опасения быть раздавленными.

А ночью тишина была. И если вы не слышали, как опускается на землю роса, то лишь потому, что сон ваш был сладок и крепок.

Спокойные голубые воды Мертвого моря видели мы среди серых гор Моава в большинстве дней.

Место Храма нашего смотрело на нас, и не знали мы – кто больше тосковал – мы по Месту или Место – по нам[47].

И царь ветров, обитавший на ближайшей к кварталу горе, прочесывал иногда со слугами и рабами своими улицы, наполняя их новым воздухом.

Приходили близкие и дальние соседи и говорили: не ведомо человеку обиталище его[48].

Приходили старики и говорили: здесь бы продлевали мы дни наши.

Приходили больные и говорили: здесь бы излечились мы.

Проходят через нас арабы и говорят "Шалом!". Приходят они к нашему доктору, и лечит он их от всяческих болезней, а жена доктора, тоже врач, помогает их женщинам при тяжелых родах. Арабки из соседних деревень приносят фрукты из своих садов и яйца из-под своих кур – и славят Бога, который в Милосердии Своем внушил евреям мысль построить свои дома именно здесь, так что прекратились их мучения и товары не надо было тащить аж до самого Города. И когда араб идет на работу в Ерушалаим и срезает он свой путь с помощью новых дорог – останавливается он иногда и дивится деяниям Аллаха, давшего мудрость евреям, строящим новые и чинящим старые дороги.

Вдруг, в один прекрасный День Субботний восстали на нас соседи наши и устроили погром. Не верили жители квартала, что такое возможно. Соседи, которым мы помогали во всем, облегчали им жизнь, покупали их товары, лечили их больных, строили дороги, которыми они пользовались?

И пришли они этими дорогами по наши души.

Милостью Ашема мы поднялись и осилили[49].

И я, как уже рассказал вначале, построил себе дом и посадил сад. В месте, откуда враг хотел изгнать нас, построил я дом – напротив Места Храма, чтобы образ его всегда был предо мной, хоть и не отстроен он. И если не можем мы, трепеща, подняться туда из-за сил, пренебрегающих Нашим Храмом, то обращаем туда сердца с молитвой.

Здесь скажу несколько слов о нашем Доме молитвы.

Отцы наши, смотревшие на свое пребывание в этом мире как на нечто временное, а на существование синагог и домов учения – как на нечто постоянное, строили красивые и большие дома для Торы и молитвы. Мы,

погруженные в суету этого мира, строим для себя красивые и большие дома, а для Торы и молитвы возводим лачуги и сараи.

Синагога нашего квартала представляет собою деревянный сарай.

Другой причиной, по которой мы молились в сарае, было то, что никак нельзя было успеть закончить строительство каменной синагоги из-за арабских погромов и восстаний, Войны за Независимость, когда все мы были эвакуированы, а так же из-за частой смены жителей, происходившей после каждой беды.

Настало время рассказать вам о событии, случившемся со мной в этом сарае в ту ночь, Ночь праздника Шавуот, когда разнесся слух о смерти всех евреев моего города.

הב

Я зашел в синагогу.

Внутри никого не было. Только свет, покой и аромат всевозможных цветов и веток, которыми благословенна Земля Израиля. Уже в вечернюю молитву Арвит я видел их запах – и сейчас тоже – каждый цветок и лист источали божественный аромат. Один парень, приехавший из города, где погибли все евреи, собрал вместе с женой цветы в полях вокруг квартала и украсил ими нашу синагогу – в честь праздника Шавуот, времени дарования Торы нашей – как было принято делать в том городе. А к полевым цветам добавили они розы, гвоздики и лавровые ветки из собственного сада.

Соберу слова святого языка нашего и сделаю для молитвенного зала корону Великолепия из свечей и цветов.

С потолка свисает "вечная свеча" – напротив Арон ha-кодеш и двух Скрижалей Завета на нём. Вокруг неё висят украшения из кипарисовых веток, луговиков и разных цветов. И поблёскивает свеча из-за зеленых листьев, белых, голубых и фиолетовых цветков. Собрались и пришли сюда все полевые цветы, растущие сейчас вокруг наших жилищ, чтобы украсить дом молитвы на Шавуот. Пришли с ними и цветы из наших садов.

Справа от Арон ha-кодеш стоит ковчег, на нем – обвитая красными розами менора. Шесть свечей горят среди роз. Они уже догорают, но все еще светят. Пока есть еще масло, стараются они освещать Молитву Израиля, идущую к Вратам Небесным.

Час бедствия для Яакова[50] и нужна нам поддержка.

Напротив шести свечей, на южной стороне, лежат поминальные свечи. Их количество огромно. Шесть миллионов евреев, погибших от рук гоим, сделали треть Израиля мертвыми, а две трети – сиротами, и нет еврея, у которого нет убитых среди родни. Светят поминальные свечи ровным светом и нет разницы – зажжена ли она по умершему своей смертью или убитому. На небесах конечно отличают свечи, как отличают души. Великой мудростью Своей Превечный избрал нас из всех народов и дал нам

Тору и жизнь, но все-таки – зачем создал Он против нас людей, отбирающих наши жизни за то, что храним мы Тору Его?

⚓

Сжалился надо мною Ашем и мысли эти оставили меня.

Но я продолжал думать о своем городе. Может ли такое быть, что город, заполненный Торой и жизнью, вдруг стирается с лица земли и все жители его, старики и дети, мужчины и женщины, погибают, город заполняет тишина – и нет в нем ни одной еврейской души?

Стоял я перед свечами и глаза мои так же блестели, но свечи были вперемешку с цветами, а глаза мои – вперемешку с шипами.

Закрываю глаза, чтобы не видеть смерть братьев моих, как их пытаются и убивают.

Но была и другая причина, по которой я закрыл глаза – тогда я становлюсь как бы хозяином Мира, и вижу то, что очень хочу видеть.

Итак, став хозяином Мира, воззвал я к своему городу, чтобы он, и все его жители, и все его молитвенные дома предстали предо мной.

Я увидел каждого, приходившего на молитву – в каждом месте, где сидел и учился – он, его сыновья, зятя и внуки. Разница была лишь в том, что один молился в Старом бейт-мидраше, а другие – в остальных синагогах и бейт-мидрашах, но у каждого было там свое постоянное место.

⚓

Расставив по местам каждого посетителя Старого бейт-мидраша, пошел я по остальным домам молитвы в моем городе.

И там я сделал то же самое, и предстал перед каждым человеком и перед каждым его сыном, зятем и внуком. Не пропустил я ни одного святого места и ни одного жителя. Не силою памяти сделал, но силою синагог и бейт-мидрашей сделал, ибо они предстают перед входящими, а входящие – пред Тем, кто делает их живыми после смерти. Я был среди них, будто настало Воскрешение из мертвых.

Велик День Воскрешения из мертвых.

Испробовал я каплю того Дня, вдруг очутившись среди погибших, но живых земляков, синагог и бейт-мидрашей. И если бы не онемел, то спросил обязательно: что говорят Авраам, Ицхак, Яков и Моше обо всем, что выпало на долю этого поколения.

Я стоял пораженный и смотрел на земляков, а они смотрели на меня и в глазах их – ни намек на удивление. Все были грустны, кроме одного старика, на устах которого играло подобие улыбки. Мне показалось, что он шептал "АРИБЭР ГИШПРИНГЭН..." – *"ПЕРЕПРЫГНУЛИ через этот мир печали"*. Это выражение встречается в "Беседах рабби Нахмана из Браслава"[51], где рассказывается об одном Лембергском магиде, который в минуту смерти щелкнул пальцами и сказал – *"ухитрился таки я*

перепрыгнуть через этот мир печали". И по душе были эти слова рабби Нахману.

Постепенно жители моего города стали исчезать.

Не стал я следовать за ними, ведь не способна человеческая мысль попасть туда, куда они уходили. А даже если и была бы способна, зачем мне их останавливать и сбивать с толку почему зря?

Остался я один и вернулся в дни юности своей, когда все были еще живы, когда Слава Святого, благословен Он, гремела в домах молитвы, когда старый хазан в Большой синагоге шептал "Швия ания" и не переворачивал страницы древнего молитвенника, на которых стерлись многие буквы от старости и слез многих поколений хазанов. Знал старый хазан наизусть все пиютим, да освятит Ашем его удел в Ган-Эдене, и Слава Всевышнего, вместе со Скорбью Израиля, возносилась из уст его.

Напишу его портрет.

Высокий и прямой, с белой бородой, с глазами цвета голубоватых страниц Славутского махзора[52]. Голос был приятен и одежда чиста, только талит был старым и заплаканным. Хазан не снимал талит с головы всю молитву, только после каждой "Ахава" и "Геула" приоткрывал его немного, чтобы посмотреть есть ли уже признаки Геулы.

Сорок лет был он посланником нашего города пред Местом[53]. К концу этого срока поехал он в Россию повидать родственников. На границе его арестовали и заточили в темницу. Умалаял он Святого, благословен Он, выпустить его из плена и вернуть в прежнее место. Святой, благословен Он, лишил сна губернатора. Понял, что не уснет, пока голос хазана раздастся из тюремной камеры. Приказал освободить его и отправить на родину. Так и сделали.

Из темницы хазан привез новый нигун[54] для "Бедной пленницы".

Был я мальчишкой, когда впервые услышал ту "Геулу", в первый Шабат после праздника Песах.

Я проснулся среди ночи и увидел – свет в доме. Встал и открыл окно, чтобы свету было легче проникнуть внутрь. Мне захотелось увидеть этот свет ближе, узнать его источник. Я совершил омовение рук и лица, оделся в субботнее и вышел из дома. Никто меня не видел и не слышал, ни отец ни мать, обычно не спускавшие с меня глаз. На улице – ни души. Только птицы, поющие утреннюю песню. Дождавшись её конца, я пошел к колодезю, откуда доносились слова. Никогда не видел я раньше как говорит вода. Подошел и увидел: полон колодезь воды. И никто её не пьёт. Зачерпнул я воду ладонями, благословил и выпил. И пошел я, куда глаза глядят. Вдруг оказался я перед Большой синагогой, наполненной людьми, и

увидел я старого хазана, стоящего на биме и распевającego "Швия аниа". Началась Геула, поднимающаяся с песней и голосом старого хазана. Город все еще пребывал в покое, его евреи были живы.

לב

Погасли шесть свечей, освещавшие молитву.

Лишь дым остался от них. Свет шел только от заупокойных свечей в память о наших братьях и сестрах, загубленных нечестивцами.

Я шел на этот свет, пока не достиг моего города. В Старом бейт-мидраше я увидел шамаша[55] Хаима[56], стоявшего на биме и перематывавшего свиток Торы перед специальным чтением на Новомесячье. У окна сидел сапожник Шалом[57] и читал "Шевет Йехуда"[58].

Во рту его была трубка – в точности, как в дни моей юности, когда он сидел и читал ту же книгу и с той же трубкой, делавший "пых-пых", хотя была она облезлая и пустая, без следов табака внутри.

Но, видно, эта трубка воскрешала у него вкус табака.

Сказал я ему: "Слышал я, что вы поститесь в канун Новомесячья. Перед моим отъездом в Эрец-Исраэль такого обычая не было – просто читали молитву "Малого Судного Дня" без всяких постов".

Сказал Хаим Шалому: "Ответь ему".

Вытащил Шалом трубку изо рта и произнес: "Так точно. Раньше молились и не постились, а сейчас постимся и не молимся. Почему? Нет у нас миньяна, ибо не осталось и десяти молящихся в городе".

Сказал я им: "Вы говорите, что не осталось и десяти молящихся? А остальные, кто не молится, – где они? Почему не видно в городе вообще ни души?"

Покачали оба головой и ответили: "Было два погрома. После первого осталось несколько евреев, после второго – не осталось никого".

Сказал я им: "Позвольте спросить вас, вы говорите, что после последнего погрома не осталось в живых ни одного еврея во всем городе. А живы ли вы?"

Улыбнулся Хаим той особой улыбкой мертвеца, видящего, что его считают мёртвым.

Я ушел.

לב

Увидел я группу спешащих куда-то калек.

Спросил последнего: "Куда вы бежите?"

Указал он на кровоточащую рану и ответил: "К нашему рабби".

Спросил я: "А кто он?"

Показал он на другую рану, улыбнулся и сказал имя. "Две руки у человека, а бед еще больше", – повторил он имя еще раз.

Я удивился. Разве может такое быть, что этот гаон, поднявшийся в Эрец-Исраэль шесть или семь поколений назад, и похоронивший тело свое в земле святого города Цфат, вернулся в Галут?

Пойду посмотрю.

Я устремился за калеками и оказался перед тем праведником. Они начали жаловаться на свои горести и несчастья, переходящие из одного Галута в другой – и нет признака Избавления.

Вздыхнул праведник и сказал: «Что я вам могу сказать, дети мои, кроме как "Господь даст силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром"[59]».

Что он имел в виду?

Прежде, чем Господь благословит народ Свой миром – даст силу народу Своему – чтобы гоим опасались Народа Его и не воевали с Ним.

Решил я поведать об этом миру.

Подошел к умывальнику и ополоснул глаза. Увидел, что книга открыта предо мной и я все еще не закончил произносить "Седер мицвот Ашем"[60]. Обратился вновь я к своей книге и, как и во все другие года в ночь Шавуот, прочитал "Заповеди Ашема", написанные рабби Шломо, да упокоится душа его.

לל

Вокруг никого из людей не было.

Я сидел один.

Сарай был прекрасен. Я смотрел на его стены, украшенные цветами.

Подул ветер, все пришло в легкое движение. Горели поминальные свечи.

Я сидел и читал святыя слова, переданные поэту Местом, чтобы прославил тот заповеди, данные Народу Израиля.

И насколько же велика любовь поэтов Святости к Месту, вкладывающему в их уста подходящие слова для прославления Его законов и заповедей, с любовью нам переданных!

לל

Открылись двери "арон ха-кодеш" и увидел я: будто человек стоит, а голова его – меж двух свитков Торы.

И услышал я голос, исходящий оттуда, из кроны Древа Жизни[61]. Я склонился, не смея бросить взгляд туда. Посмотрел на свой молитвенник и увидел, как буквы голоса, идущего из кроны Древа Жизни, появляются на страницах. Буквы выстраиваются в слова заповедей Ашема, согласно порядку, определенному нашим учителем Шломо ибн Гвиroleм, да упокоится душа его с миром.

А человек между свитками был похож на царя. Я весь сжался, пытаюсь как бы исчезнуть, чтобы он не увидел меня. Ведь не может того быть, чтобы царь пришел в свою Страну и из всех рабов нашел только самого ничтожного.

Мои усилия были напрасны.

Я унизился, и он увидел меня.

Как я это понял? Он заговорил со мной.

Почему именно со мной? Не было здесь больше никого, кроме меня.

Не устами говорили мы. Мыслями обменивались.

Буквы складывались в слова, слова складывались в мысли. Их я помню дословно.

ל

Вот слова, которые мы молча произнесли.

Спросил он: "Что ты делаешь здесь один ночью?"

Ответил я: "Разве не знает господин, что Шавуот сейчас и положено читать Тикун Лель Шавуот? Этим я и занимаюсь, правда сейчас я читаю "Азхарот" учителя нашего Шломо ибн Гвиरोля, да упокоится душа его".

Он подошел ближе и наклонился над моей книгой, посмотрел в нее и сказал: "Это книга Шломо..."

Удивился я, что не добавил он к имени ничего, не назвал его "рабби".

Еще не знал я, что говорит со мной сам рабби Шломо ибн Гвироль.

ל

Расскажу, что произошло дальше.

Поминальные свечи освещали сарай.

Колючие цветы вокруг вечной свечи напротив "арон ha-кодеш" источали аромат, который смешивался с другими запахами – дома молитвы и садовых цветов. Спокойствие и тишина царили на небе и на земле.

Не слышно было просьб снизу и голосов сверху.

Я схватился за голову и стал думать о произошедшем. Нельзя было сказать, что это сон – мне был задан вопрос и я на него ответил: сейчас Шавуот и ночью положено читать Тикун Лель Шавуот.

Но все-таки странно... Зачем понадобилось раби Шломо ибн Гвиролю, главе поэтов Святости, спускаться из дворца поэзии в этот квартал, в этот сарай и говорить с этим человеком?

ל

Я рискнул поднять голову и оглядеться.

Невозможно было поверить в происходящее, хотя не было никаких сомнений, что он был здесь, говорил со мной, и я ему даже отвечал.

Может, это произошло, когда открылись небеса? Но они открываются на мгновение. Может ли в одно мгновение произойти такое?

Я не чувствовал времени, но прошло его не так много, пока он заговорил со мной вновь. Не голосом говорил.

Слова его возникали в моих мыслях из его мыслей.

Ашем дал мудрость сердцу моему, чтобы понять их.

Понять, но не запомнить. Я только осознавал, что говорят со мной, а не с кем-то другим, ведь один я был в молельном доме и один читал "Мицвот Ашем", написанные раби Шломо ибн Гвиroleм.

ל

Вспомнилась горечь, с которой читал я "Дай мне рассвет, Творец, хранитель мой...", а в конце концов, когда нашел он Ашема, ужас овладел им – "Твоим величием потрясён..."

И к этой горечи добавилась другая – "О бедной пленнице..."

Приложил я пальцы к горлу, как обычно делал старый хазан, и запел его нигун – "Швия ания..."

Раби Шломо прислушался.

Сказал я ему, что в моем городе, в каждом месте, где молились по нусаху "Ашкеназ"[62], было принято было исполнять пиютим, мелодии которых я прекрасно помню, но особенно – пиют "О бедной пленнице...", ибо это первая геула, услышанная мною в детстве от нашего старого хазана.

Вспомнив эту геулу, вспомнил я субботнее утро, когда стоял я в Большой синагоге нашего заснувшего города. Спазм сдавил моё горло, и я заплакал.

Увидел это раби Шломо и спросил: "О чем ты плачешь?"

Ответил я: "О городе своем, где все евреи погибли".

Прикрыл он глаза, и я увидел, как притянул он к себе страдание моего города.

Подумал я: ведь не знаком раби Шломо ни с кем из его жителей, кроме меня, и будет судить о нем по мне.

Склонился я перед ним и сказал: "Я не из тех, кто возвеличил тот город".

ה

Увидел раби Шломо моё отчаяние.

Подошел ко мне вплотную – так, что не осталось между нами ничего, кроме моего отчаяния.

Поднял я глаза и увидел, как он что-то шепчет. Прислушался и разобрал название моего города. Раби продолжал шептать и слышал я: "Сделаю себе помету, чтобы не забыть его название".

Потрясенный стоял я – раби Шломо упомянул мой город и оказал милость, сделав себе помету, чтобы запомнить его название!

Я задумался – какую помету о моем городе может сделать себе раби Шломо? Записать? Но сегодня праздник и писать нельзя.

А может, сделает помету на одежде? Но Ашем одевает своих святых праведников в платья, которые невозможно помять и которые не терпят слов, не исходящих Свыше[63].

Он вновь зашевелил губами.

Сейчас это были стихи, где каждая строка начиналась одной из букв в названии моего города.

И было это великолепно зарифмованной пометой, исполненной на Святом Языке.[64]

ממ

Я застыл.

Я словно перестал существовать.

Если бы не память о Песне, разделил бы я судьбу своих земляков, убитых нечестивым народом.

Но от величия слов душа покинула меня.

Если уничтожен мой город в этом мире, то жив он в стихах.

И если не помню я слов этой Песни, то поется она на Небесах – стихами святых поэтов, любимцев Ашема.

מב

Кто теперь скажет мне слова её?

Может, старый хазан, знаток песнопений святых учителей наших, за слезы которых отдам я жизнь?

Но скрыт старый хазан в тени святых поэтов, чьими песнями украшал он Большую синагогу в нашем городе. Если ответит мне – ответит нигуном, как в те времена, когда город и жители его были живы.

А здесь осталась Песнь Стона и Скорби.

От переводчика.

Поэтическим фоном повествования служат два пиюта, написанные рабби Шломо ибн Гвиролем – "Швия ания" и "Шахар авакашха".

Ниже они приведены в переводе **Эрнста Левина**:

Шломо ибн ГВИРОЛЬ. "Шахар авакашха" ("Дай мне рассвет")

<p>Дай мне рассвет, Творец, хранитель мой, И день, и вечер мой я пред Тобой, Твоим величием потрясён, стою – Ты видишь всё, что в сердце я таю.</p> <p>Бессильны мои мысли и слова, Пригодны лишь язык и голова Чтоб славить Бога, давшего в раю Нам, смертным, душу вечную Свою.</p>	<p>שחר אֲבַקְשׁךָ, צוֹרֵי וּמִשְׁגָּבֵי אֶעֱרֹךְ לְפָנֶיךָ שְׁחָרֵי וְגַם עֶרְבֵי. לִפְנֵי גְדֻלַּתְךָ אֶעֱמֹד וְאֶבְהֵל כִּי עֵינֶיךָ תִּרְאֶה כָּל מַחְשְׁבוֹת לְבִי</p> <p>מַה זֶה אֲשֶׁר יוּכַל הַלֵּב וְהַלְשׁוֹן לַעֲשׂוֹת וּמַה כַּח רוּחִי בְּתוֹךְ קַרְבִּי? הִנֵּה לְךָ תִּיטֵב זְמַרְת אֲנוּשׁ עַל כֵּן אוֹדִיךָ בְּעוֹד תִּהְיֶה נְשָׁמַת אֱלֹהֵי בִי!</p>
---	--

Шломо ибн ГВИРОЛЬ. "Швия ания" ("Бедная пленница")

<p>О бедной пленнице молю я, Боже мой. В Сионе рождена, она в стране чужой. Взята врагами в плен и, сделавшись рабой, Страдать обречена безжалостной судьбой. Когда же Элия – пророк и вестник Твой, Благою весть неся, вернёт её домой, И снова наш народ в Стране соединится, И будем радоваться мы и веселиться?</p>	<p>שְׁבִיָּה עֲנִיָּה בְּאַרְץ נְכָרִיָּה לְקוֹחָהּ לְאִמָּה לְאִמָּה מִצְרִיָּה מִיּוֹם עֲזַבְתָּהּ לְךָ הִיא צוֹפִיָּה הַשֵּׁב שְׁבוּתָהּ רַב הָעֲלִילָיָה וְאִם עֲשִׂירִיָּה תִהְיֶה שְׁלִישִׁיָּה וְחִישׁ קַל מְהֵרָה וּבִשְׂרָה בְּאֵלֶיָּה רְנִי בַת צִיּוֹן הִנֵּה מְשִׁיחֵנוּ לְמָה לְנֹצֵחַ תִּשְׁכַּחֲנוּ</p>
<p>Есть у всего конец, но нет конца у Зла. Несчастиям моим и ранам нет числа. Судьба меня в галут, в изгнание занесла, И в грязь, и в тяжкий труд, как выючного осла. Нет лодки, чтоб уплыть, и нет в руке весла, И Божьей Воли нет, чтоб наш народ спасла... Верни нас, Господи, в страну, что ночью снится, Где ветер ласковый и гулит голубица.</p>	<p>לְכֹל תִּכְלֶה יֵשׁ קֶץ וְאֵין קֶץ לְפָרְצֵי כָּלוּ שְׁנוֹתַי וְאֵין מֵתִם לְמַחְצֵי שְׁכַנְתִּי בְּגִלוֹת טְבוּעָה בְּבִצֵי וְאֵין תּוֹפֵשׁ מְשׁוּט אֲנִיָּה לְהוֹצִיא עַד אָנָּה ?? תִּתְאַרֶיךָ קִצֵי מֵתִי קוֹל הַתּוֹר יִשְׁמַע בְּאַרְצֵי שְׁמַיךָ עֲלֵינוּ נִקְרָא אֶל תַּנְיַחֲנוּ</p>
<p>Мы гибнем, льётся кровь и слёзы наших глаз, Воздетых к небесам с мольбою каждый раз. Эйсав и Ишмаэль, как звери, травят нас: Едва ушёл один – второй напал тотчас. Неужто навсегда замолк Господний глас, И тяжкий гнев Его доселе не угас? Неужто может Божья грозная десница За избранный народ Свой не вступиться?</p>	<p>מְחוּצִים וְלְחוּצִים סוּבְלֵי מַעֲמָס בְּזוּזִים וְגִזְזִים נְתוּנִים לְמַרְמָס עַד אָנָּה ?? אֲזַעַק חֲמָס וּלְבָבִי בְּקֶרְבֵי הַמָּס יִמָּס זֶה כְּמָה שְׁנִים עוֹבְדִים לְמָס יִשְׁמַעְאֵל כְּאַרְיֵה וְעֵשָׂו כְּתַחֲמָס זֶה יַנְיַחֲנוּ וְזֶה יִקְחֵנוּ</p>

<p>Мы верим: у Него совсем иная цель – Разрушить крепость зла, галута цитадель. И вострубит с Горы архангел Михаэль В тот день, предсказанный нам книгой Даниэль, И встанут спящие в могилах всех земель, И соберёмся все мы в Эрец Исраэль, И будем радоваться мы и веселиться. И скажем: амен. Амен! Да свершится!</p>	<p>הַקּוֹלֵךְ זֶה הַקּוֹל גּוֹלֵת אֶרְיָאֵל עֲלֵזי וְצִהְלֵי בְּתוֹלֵת יִשְׂרָאֵל לְעֵת הַרְשׁוּם בְּסִפְרֵ דְנִיָּאֵל וּבְעֵת הַהִיא יַעֲמִד מִיכָאֵל וְיִקְרָא עַל הָר וּבָא לְצִיּוֹן גּוֹאֵל אֲמֹן וְאֲמֹן כֹּן יַעֲשֶׂה הָאֵל כִּימוֹת עֲנִיתָנוּ כֹּן תִּשְׁמַחְנוּ</p>
--	---

Примечания переводчика рассказа:

[1] Первая версия рассказа "Помета" ("הסימן") была опубликована в 1944 году. Известен перевод ее на русский, сделанный Н.Файнгольдом. Данная, намного расширенная версия – вторая, появившаяся в сборнике рассказов Агнона "Огонь и Деревья" ("האש והעצים", Берешит 22:7) в 1962 году. Рассказ написан в форме монолога и помещен в сборник вместе с другим рассказом-монологом – "Этрог" - в части "Им ацми" ("С собой").

[2] 1928-1929, [5]689 по еврейскому летосчислению

[3]- הנצח ישראל "Вечность Израиля" = 689

[4] Агнон не называет места, где построил дом в Иерусалиме, но известно, что это современный квартал Тальпиот, где на улице Клаузнер существует и поныне его дом-музей.

[5] Гетто в городе Бучач было уничтожено в июне 1943 года, в июле того же года Бучач был объявлен "юденрайн". Получается, что действие рассказа происходит в Шавуот 1944 года.

[6] Во многих еврейских общинах существует обычай на Шавуот украшать внутренние помещения домов и синагог ветвями деревьев и цветами.

[7] - תנדב"א פ"כה -

[8] - специальный праздничный молитвенник

[9] - первый вечер праздника Шавуот

[10] - гимны и другие стихотворные песнопения

[11] - Шмот 19:4

[12] - вечерняя молитва

[13] - Омера

[14] - Ваикра 23:15

[15] - дневная молитва, часто ее проводят прямо перед заходом солнца

- [16] - староста синагоги
- [17] - кантор
- [18] - Ваикра 23:44. Также - вставка в "маарив" на Шавуот, Сукот и Песах
- [19] - Берейшит 12:13
- [20] - букв. "который дал нам жить", праздничное благословение во время Кидуша
- [21] - "Эшет-хаиль", часть "Мишлей"
- [22] - Омера
- [23] - праздничная молитва
- [24] - запрещено купаться в открытой воде в определенные дни Омера
- [25] - есть обычай есть молочное на Шавуот
- [26] - во многих общинах не принято проводить свадьбы во все дни между Песахом и Шавуот, кроме дня "ЛАГ Ба-Омер".
- [27] - во многих общинах разрешается стричь волосы и бриться за несколько дней до начала Шавуот
- [28] - "бейт-мидраш" специальное место, иногда - часть синагоги, где находятся библиотека и место для изучения священных книг.
- [29] - существует поверье, что в Шавуот небеса на миг раскрываются.
- [30] - Агнон был яростным противником пути "возрождения иврита", по которому пошли Элиэзер Бен-Йехуда и "Академия языка иврит".
- [31] - бейт-мидраш
- [32] - в Тальпиоте
- [33] - небольшая иллюстрация этого обычая здесь.
- [34] - специальное изучение Торы в первую ночь Шавуот
- [35] - город в Восточной Галиции, сейчас находится на территории Тернопольской области Украины
- [36] - "Предостережения" - пиютим на Шавуот, написанные р. Шломо ибн Гвиroleм
- [37] - Рабби Шломо ибн Гвиrole (1021-1058) – великий поэт и философ еврейской Испании.
- [38] - рассказ "Молитвенник моего детства"
- [39] - стихотворение "שִׁחַר אֲבִיךָ שָׁדַח"
- [40] - в некоторых общинах есть обычай утром в Субботу петь "пиютим" (песни) между "Гааль Исраэль" ("геула") и началом молитвы "Амида", где основной мотив – Геула, "Избавление".
- [41] - стихотворение р. Шломо ибн-Гвиrole "שְׁבִיחַ עֲנִיָּה"
- [42] - Константинополь.

- [43] - турецкие меры длины. Дунам = 919 кв.м
- [44] - 5689 он же 1928-29 гг
- [45] - 5696 год - он же 1935-36 гг
- [46] - имеется в виду землетрясение 11 июля 1927 года, с эпицентром в Йерихо, 6.2 балла по шкале Рихтера
- [47] - "ha-Маком" – переводится как Место, этим же словом обозначено одно из Имен.
- [48] - Иов, 28:13
- [49] - Теилим, 20:9
- [50] - Йирмияу, 30:7
- [51] - ליקוטי מוהר"ן
- [52] - махзор (молитвенник на Новолетие и Судный День), напечатанный в типографии города Славута
- [53] - хазан называется еще "ШАЦ" - "шалиах цибур", т.е. "посланник общества"
- [54] - "нигун" - мелодия, хасидское песнопение, часто – без слов.
- [55] - шамес, синагогальный служка
- [56] - "хаим" – жизнь
- [57] - "шалом" – мир
- [58] - книга р. Шломо ибн Вирга (1460-1554), посвященная анализу причин преследований евреев
- [59] - Теилим 29:11
- [60] - "Порядок заповедей Всевышнего"
- [61] - "Древо Жизни" часто бывает основным мотивом орнамента занавески "арон ha-кодеш", шкафа, где хранятся свитки Торы.
- [62] - "нусах" – обряд, ритуал; "Нусах Ашкеназ" – порядок молитвы в ашкеназских нехасидских общинах.
- [63] - имеются в виду определенные законы, связанные с изготовлением и использованием талита
- [64] - Свой город Агнон называет в начале рассказа - "...Бучач...", однако в конце, в разговоре с рабби Шломо ибн Гвиrolем, слова "Бучач" уже нет. Между тем, в первой версии рассказа Агнон приводит первую строку забытой "пометы" – "Благословен ("Барух") город Бучач из всех городов..."